

О. Б. Бубенок

ГУРГАНДЖ ПРЕДМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ ИЗ АЗИИ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

В конце XII – начале XIII в. столица государства Хорезмшахов г. Гургандж (Ургенч) стал крупным торговым центром Евразии на начальном отрезке северного ответвления Великого шелкового пути (ВШП). Это способствовало нахождению в городе купцов из стран Азии и Восточной Европы.

Плано Карпини, который в 40-е гг. XIII в. посетил земли Монгольской империи, сообщал о столице Хорезма – Гургандже (Ургенче), который был известен ему как Орнас, следующее: “Пошли они (монголы. – *О. Б.*) также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар, Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом”. Кроме этого, он отметил: “А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок” [Карпини 1957, 46]. Отметим, что “некой рекой” здесь названа Амударья, которая впадает в Аральское море.

Как видим, у Плано Карпини речь идет о приезжих купцах, среди которых были не только мусульмане, но и христиане, к которым Плано Карпини отнес “Русских и Аланов” и даже хазар. Упоминание их здесь как раз имеет отношение к маршруту северного ответвления Великого шелкового пути, который проходил от Гурганджа (Ургенча) через Нижнюю Волгу к городам Северного Кавказа, где жили аланы, а также в Поднепровье – на земли Руси. Следует отметить, что проблема торговых и культурных связей Хорезма с северокавказской Аланией и Русью, как это ни странно, не нашла должного освещения в работах историков. Особое удивление вызывает фактическое игнорирование этого факта современными исследователями прошлого Руси. Поэтому весьма актуальным представляется объяснение того, как купцы-христиане из Восточной Европы оказались в начале XIII в. в столице государства Хорезмшахов – городе Гургандже.

По данным А. А. Иерусалимской и В. А. Кузнецова, в раннее и развитое Средневековье по Северному Кавказу проходило северное ответвление Великого шелкового пути. По этому пути Византия снабжалась шелком, спрос на который был велик не только на рынках Константинополя, но и всей Европы [Иерусалимская 1967; 1972; 1992; Кузнецов 1993]. Немало внимания этой проблеме уделил В. А. Кузнецов, который считал, что северное ответвление ВШП активно функционировало в X–XIII вв. По его наблюдениям, эта трасса пролегла из Китая через Согдиану, а отсюда проходила через столицу Хорезма – г. Гургандж (Ургенч), находившийся на берегах Амударьи, к плато Устюрт и далее к рекам Уралу и Волге, где последняя имела выход на Северный Кавказ. На Северном Кавказе трасса следовала через земли аланов, которые жили в верховьях Кубани. Через их земли пролегал давно известный и проторенный путь к Клухорскому перевалу и дальше в Абхазию – к черноморским портам [Кузнецов 1993, 12–18]. Добавим, что до Гурганджа трасса

Великого шелкового пути проходила от г. Мерва – крупного торгового центра, расположенного на территории современного Юго-Восточного Туркменистана. Существовал также и более северный маршрут ВШП на Запад.

Именно благодаря функционированию на берегах больших рек – Волги, Дона и Днепра – крупных торгово-экономических центров это ответвление ВШП позволяло купцам с Востока достигать многих городов Восточной Европы. На запад от Гурганджа северная трасса Великого шелкового пути проходила по Нижней Волге, где существовали торговые центры. Так, в середине XIII в. Гильом Рубрук отметил, что накануне прихода монголов в городе Суммеркенте, который находился в низовьях Волги, проживали “Аланы и Саррацины” [Рубрук 1957, 185]. По мнению Н. П. Шастиной, комментатора Г. Рубрука, Суммеркент Рубрука мог представлять собой город Саксин [Рубрук 1957, прим. 283]. А. Ю. Якубовский считал, что Саксин находился вблизи устья Волги [Греков, Якубовский 1950, 23]. Благодаря сообщению ал-Гарнати, побывавшему в Саксине в XII в., мы знаем этнический состав населения этого города. По словам арабского путешественника, в Саксине были мусульманские купцы из числа хазар, болгар и сувар, а также “сорок племен гузов” [Гарнати 1971, 27]. Понятно, что последняя этническая группа была представлена местными жителями в количестве 40 родов, а не “племен”. Добавим в этот список еще аланов, упомянутых Гильомом Рубруком.

Не остались в стороне от этих процессов и жители Северного Причерноморья. Так, в Нижнем Подонье в предмонгольское время продолжала функционировать древнерусская крепость Белая Вежа, основанная в IX в. хазарами и известная как Саркел. В соответствии с выводами С. А. Плетневой, хазарская крепость Саркел возникла, прежде всего, как торговый центр, который находился на пересечении важных сухопутных торговых путей. Эти же функции Белая Вежа, по мнению исследователя, продолжала выполнять и в древнерусский период. В качестве доказательства этого С. А. Плетнева привела результаты раскопок караван-сараев на территории Саркела, а также сведения о древних степных путях, проходивших вблизи от крепости [Плетнева 1996, 142–158].

Кроме того, в конце XII в. как торговое поселение венецианских купцов в устье Дона возник город Тана, находившийся на пересечении водных и сухопутных торговых коммуникаций. После 1204 г. контроль над городом перешел к Генуе, превратившей его в военно-торговую крепость. Население Таны перед приходом монголов было полиэтничным. Так, венецианский автор XV в. Иосафат Барбаро сообщает, что часть населения города Тана в начале XIII в. составляли аланы, которые подверглись нападению со стороны монголов [Барбаро 1971, 139–140].

Таким образом, в XI – начале XIII в. в степях Восточной Европы от Саксина на Нижней Волге до Белой Вежи на Дону и Киева на Днепре функционировала еще одна, более северная, трасса Великого шелкового пути.

Относительно места Киева на этом маршруте отметим мнение О. Прицака: “Киев, расположенный на Днепре, был основан как город (вернее, как предполагали, серия городков) не ранее первой половины IX в. Этот факт засвидетельствован археологическими раскопками. К тому времени по Днепру проходила хазарская граница, и возможно, что Киев был первоначально хазарским гарнизонным городом. Постоянная хазарская армия (ал-арсия), защищавшая западную и северные границы, была укомплектована мусульманами восточноиранского происхождения (хорезмийцами. – О. Б.). Можно ожидать, таким образом, что этот элемент играл решающую роль в превращении пограничного поселения в торговый город” [Голб, Прицак 1997, 66–96]. Необходимо отметить, что П. П. Толочко категорически не согласен с этой гипотезой [Толочко 1996, 35–39]. Однако никто не отрицает того, что уже в хазарское время Киев являлся крупным торговым центром. Эти же функции он продолжал сохранять в X – начале XIII в.

Из регионов Восточной Европы, которые вошли позднее в состав Золотой Орды, в домонгольское время экспортировались в страны Востока пушнина и кожаные изделия, мед и воск, рабы и другие товары, которые составляли основной ассортимент товаров. В предмонгольское время продолжали функционировать основные торговые магистрали: Балтийско-Волжский, Днепровский (“Путь из Варяг в Греки”), Камский торговые пути, являющиеся северными ответвлениями Великого шелкового пути [Калан 2011].

О том, что в предмонгольское время купцы из Руси и северокавказской Алании постоянно пребывали в торговых факториях степной части Восточной Европы, свидетельствуют результаты археологических и антропологических исследований, проведенных в Нижнем Поднепровье и на Нижнем Дону. Здесь были обнаружены христианские могильники, где антропологический состав погребенных был весьма неоднороден. Там встречались выходцы из Среднего Поднепровья, а также из Центрального Предкавказья (долихокраны средиземноморского типа). Иногда среди христиан степи встречались и аборигены – носители так называемого “зливкинско-го” брахикранного антропологического типа [Козловский 1992]. Однако имеются основания считать, что с конца X в. до начала XIII в. ведущие позиции на отрезке пути от Гурганджа до Черного моря занимали купцы из северокавказской Алании. Данные письменных документов подтверждают это.

Так, епископ Феодор, посетивший после 1222 г. земли крымских и северокавказских аланов, в разделе 5 своего “Аланского послания” оставил один интересный пассаж об аланах: “племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Ивериян, древний предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматю” [Кулаковский 1898, 17, 26]. Исследователь и переводчик источника Ю. А. Кулаковский так и не смог определить, к какому времени относится данное событие. В данном случае только понятно, что речь идет о целенаправленных миграциях аланов с Северного Кавказа. В хазарский период такие переселения аланов не могли носить добровольный характер. Стало быть, это могло иметь место во второй половине X – начале XIII в., когда наметился расцвет северокавказской Алании и здесь речь должна идти о торговых поселениях аланов.

Проведенный анализ текста послания позволил сделать вывод, что епископ Феодор в понятие Скифия вкладывал не только степные пространства Северного Причерноморья, включая степи Крыма, но и степи Северного Кавказа. Если следовать логике Феодора, то получается, что Сарматия – это пространство, расположенное на восток от Скифии, т. е. от Северного Кавказа.

Таким образом, сведения Феодора дают основания считать, что до него северокавказские аланы расселились не только в степях Северного Причерноморья, но и дальше на восток – в города Нижней Волги и Хорезма. Характерно, что данное предположение согласуется со сведениями некоторых письменных источников. Как уже отмечалось, об аланском населении накануне прихода монголов как в городах степной части Восточной Европы, так и в Хорезме сообщали Г. Рубрук (г. Суммеркент), И. Барбаро (г. Тана) и П. Карпини (г. Орнас – Гургандж).

Кроме того, в XII в. мусульманский географ ал-Идриси упоминал несколько торговых поселений на восточном побережье Черного моря, в состав названий которых входят термины, которые напоминают этнонимы *ас (аш)* и *алан*: *Ашкисийа*, *Ашкала*, *Астарбийа* и *Ал-Ланийа* [Коновалова 2006, 118]. Обычно считалось, что в XII в. владения северокавказских аланов не могли на западе доходить до черноморского побережья. Как видим, торговые поселения аланов все же были. Поэтому весьма понятен пассаж из той части “Аланского послания” епископа Феодора, где говорится, что вследствие действий Херсонского епископа Феодор и его отец зимой отправились к берегам Боспора, где к своей пастве должен был пристать отец

Феодора. Тем не менее правитель Боспора не пустил епископа на территорию его епархии [Кулаковский 1898, 20]. Далее Феодор сообщает: “Когда нам не разрешили вступить туда, мы обратились в другую страну, более обширную и более суровую, что нам ни предстояло испытать. Отец (мой) остался там среди самого небольшого числа Алан, перенося всякие бедствия, бедность, поношения, обиды, ибо не все приемлют слово духовное...” [Кулаковский 1898, 20]. Создается впечатление, что речь идет об аланах восточного побережья Черного моря.

Не меньшие позиции в торговле с Хорезмом в предмонгольское время занимали и купцы из Руси, что подтверждает сообщение Плано Карпини о нахождении их в Орнасе (Гургандже). Однако, как это ни странно, данный вопрос до сих пор остается малоизученным. По этому поводу в прошлом веке Г. В. Вернадский в своей работе “Киевская Русь” высказался следующим образом: “Коммерческие отношения между Русью и Востоком были оживленными и выгодными как для тех, так и для других. Мы знаем, что в конце девятого и десятом веках русские купцы посещали Персию и даже Багдад. Нет прямых свидетельств, указывающих на то, что они продолжали путешествовать туда в одиннадцатом и двенадцатом веках, но они, вероятно, посещали Хорезм в этот более поздний период. Название хорезмской столицы Гургандж (или Ургандж) известно было русским летописцам, которые называли ее Орнач” [Вернадский 1999, 228]. Что же касается характера связей Руси с Хорезмом в предмонгольский период, то Г. В. Вернадский в этом отношении был весьма пессимистичен: “Хотя частные контакты через торговлю между русскими и поволжскими булгарами и жителями Хорезма были, по всей видимости, оживленными, разница в религиях представляла собой почти непреодолимый барьер для тесных социальных взаимоотношений между гражданами, относящимися к разным религиозным группам” [Вернадский 1999, 229]. Однако Г. В. Вернадский все же допускал контакты не только в области торговли, но и культуры. По его словам, “в русском декоративном искусстве ясно прослеживается влияние восточных образцов (таких, например, как арабески), но, конечно, некоторые из таких образцов могли попасть на Русь не прямо, а через посредство контактов либо с Византией, либо с Закавказьем” [Вернадский 1999, 229].

Относительно упоминания древнерусскими летописями названия Гурганджа в формах *Орначи* или *Арначи* отметим, что этот топоним встречается в Патриаршей Десятой летописи при описании событий 1345–1346 гг. и 1395 г. [Патриаршая Десятая... 1965, 9–10, 11–12, 158–159, 217]. Добавим, что Патриаршая Десятая или Никоновская летопись была закончена в XVI в. При этом обратим внимание на название Каспийского моря как “Хвалисьское море” в Лаврентьевской летописи [Лаврентьевская... 1926–1928, 6], “Хвальнойское море” в Ипатьевской летописи [Ипатьевская... 1908, 5] и “Хвалимское море” в Радзивилловской летописи [Радзивилловская... 1989, 12]. Исследователи единодушны во мнении, что это название моря походит от термина “хвалисы”. Н. М. Тихомиров в своей монографии “Древнерусские города” отметил, что “Под Хвалисами надо понимать такой важнейший торговый пункт, как Ховарезм или Хорезм” [Тихомиров 1956, 59]. Кроме того, многие современные ученые считают, что хвалисы – это древнерусское название хорезмийцев. Так, С. П. Толстов в свое время отметил: «Экономические связи Хорезма с Восточной Европой нашли свое отражение и в древнерусском языке. Так, не подлежит сомнению, что старорусское название Каспийского моря “Хвальнское – Хвалиское море” отражает в себе имя хорезмийцев (с характерным для хорезмийского консонантизма переходом 1||г – хвалисс = хвариз+м), являвшихся, видимо, и тогда, через пристани Мангышлака, хозяевами судоходства в северной части Каспия» [Толстов 1948, 18].

Кроме того, С. П. Толстов подметил еще один факт связей Хорезма с Древней Русью: «Марвази и Ауфи сохранили в высшей степени интересное свидетельство о деятельности хорезмийских миссионеров при дворе Владимира, проливающее

новый свет на летописное сказание о “пытании о вере” и вообще на религиозную политику Владимира, предшествующую окончательному утверждению христианства на Руси. Эти тексты, исследованные В. В. Бартольдом, В. Ф. Минорским и Б. Н. Заходером, представляют еще широкое поле для дальнейшего исследования, но бесспорно одно: хорезмийско-русские связи в X веке были гораздо непосредственнее и глубже, чем до сих пор обычно предполагается» [Толстов 1948, 20]. К сожалению, приходится констатировать, что со времен С. П. Толстова изучение данного вопроса не продвинулось в значительной степени вперед.

В этой связи обратим внимание на высказывание О. Й. Прицака, согласно которому названия кварталов в древнерусских городах – *Китай-город* – отнюдь не являются указанием на то, что там проживали китайцы. По мнению ученого, первая часть названия происходила как раз из хорезмийского обозначения для города – *ка-тай*, а не названия страны.

Еще С. П. Толстов, стремясь доказать связь кангаров-печенегов с Хорезмом, привел названия печенежских крепостей в Северном Причерноморье, о которых писал Константин Багрянородный. Все они содержали название *катый* или *гатый*: *Тунгаты*, *Кракнакаты*, *Салмакаты*, *Сакакаты*, *Гиеукаты* [Константин 1991, 40–41]. Н. А. Баскаков объяснил названия этих крепостей следующим образом: в названии *Тунгаты* следует видеть тюркский топоним *Тун-катай* – “Мирная крепость”; *Кракнакаты* – *Карак-катай* – “Сторожевая крепость”; *Салмакаты* – *Салма-катай* – “Патрульная крепость”; *Сакакаты* – *Сака-катай* – “Крепость на сваях”, *Гиеукаты* – *Ийу-катай* – “Военная крепость” [Баскаков 1960, 129]. Как видим, вторая часть этих топонимов *гатый* или *катый* означает крепость, и поэтому можно полностью согласиться с мнением комментатора упомянутого фрагмента сочинения Константина Багрянородного Т. М. Калининой, что упомянутый термин имеет древнеиранское происхождение [Константин 1991, 391, прим. 19].

На основании своих наблюдений С. П. Толстов высказал вполне резонное замечание: «Из контекста ясно, что эти печенежские названия были даны уже разрушенным мертвым городам. В этой связи весьма важно отметить нарицательное значение слова *каθ* в хорезмийском у Якута (IV. 222) “развалины в пустыне”, букв. “стена в пустыне, ничем не окруженная”, при сохранении древнего значения “город” в собственном имени древней столицы Хорезма – Кята. Нам представляется несомненным, что в печенежском *kat* – “развалины” мы имеем ранне-средневековое заимствование из хорезмийского» [Толстов 1948, 23].

Эту этимологию мы можем применить и к первой части древнерусского *Китай-город*. Получается, что вторая часть составного названия – *город* – являлась переводом на древнерусский язык слова, которым хорезмийские купцы могли называть свои кварталы в городах Древней Руси.

Таким образом, есть основания говорить о том, что в домонгольский период Русь имела связи с Хорезмом. Но эта тема требует дальнейшего изучения.

Кроме того, весьма странным выглядит упоминание Плано Карпини в числе христиан Орнаса (Гурганджа) вместе с аланами и русскими также хазар. Обычно хазар привыкли воспринимать как иудеев, а не христиан. Данный пассаж требует объяснения.

Сообщения мусульманских авторов первой половины X в. ал-Истахри [Заходер 1962, 164–165], ал-Мас‘уди [Минорский 1963, 194, 200] и других позволяют считать, что не все представители хазарского этноса придерживались иудаизма – среди самих хазар были и мусульмане, и христиане, и язычники. Что же касается христиан Итиля, среди которых были этнические хазары, то имеются довольно веские основания относить их к византийским (ортодоксальным) христианам. Ведь именно первые упоминания о христианах в Итиле появились лишь после хазарской миссии Константина. Текст Жития Константина Философа свидетельствует о том,

какими маршрутами могли византийцы добираться до хазарской столицы – г. Итиля: водным – благодаря существованию переволоки между Доном и Волгой; сухопутным – через степи Северного Кавказа. Вероятнее всего, в столицу Хазарии из Византии попадали, прежде всего, византийские купцы. Следовательно, вовлеченные в их торговые операции хазары предпочли иудаизму переход в христианство.

Однако ситуация резко изменилась после событий 965 г., когда Русь и тюркигузы объединились и разгромили Хазарский каганат. Ибн Хаукаль сообщает о том, что разгромленные хазары сбежали из своей столицы Итиля и поселились на “острове Сия-Кух”, в котором традиционно видят п-ов Мангышлак, подвластный правителям Хорезма. Мусульманские авторы Димашки, Ибн ал-Асир, Ибн Мискавейх и другие сообщают, что после крушения Хазарского каганата хазары вернулись на Нижнюю Волгу и оказались под протекторатом Хорезма, ибо одним из условий этого возвращения должен был стать переход хазар в ислам [Заходер 1962, 152–157]. О том, что в XII в. хазары-мусульмане продолжали проживать на Нижней Волге в г. Саксин, который возник, по распространенному мнению, на месте Итиля, свидетельствует мусульманский путешественник ал-Гарнати [Гарнати 1971, 27–30]. Очевидно, в ислам перешла в первую очередь иудаизированная элита хазар, что стало гарантией для их возвращения на берега Волги. Естественно, не все бежавшие из Итиля хазары захотели стать мусульманами, и поэтому они вынуждены были остаться в самом Хорезме. Среди них могли быть и христиане, о чём может свидетельствовать сообщение Плано Карпини.

С. П. Толстов высказался в пользу того, что сообщение Плано Карпини о хазарах-христианах в Хорезме заслуживает особого доверия. В качестве доказательства этого он привел сообщение ал-Бируни о том, что в начале XI в. в Хорезме проживали христиане, которые праздновали праздник “каландас”. По наблюдениям исследователя, он находит прямые аналогии среди традиций православных (византийских) христиан. На основании этих данных С. П. Толстов сделал следующий вывод: “Национальный состав христианской колонии в Хорезме, в основном, по Карпини, хазаро-русско-аланский, открывает перед нами то же направление проникновения христианства в Хорезм, на которое указывает сравнительный анализ описанного ал-Бируни обряда” [Толстов 1946, 87–90]. В качестве второго аргумента в пользу распространения византийского христианства в Хорезме С. П. Толстов привел список нотаций Константинопольского патриархата, опубликованный в XIX в. де Боором, где фигурируют Хвалисская (Хорезмская) и Хотцирская (Хазарская) епархии [Толстов 1946, 92]. Таким образом, если следовать логике исследователя, получается, что усилия Константинополя в VIII в. по распространению христианства в Хазарии и Хорезме не прошли даром и это положило начало проникновению византийского христианства не только в Хазарию, но и в Хорезм.

Несмотря на это, С. П. Толстов высказал, и не без оснований, мнение, что многие хазарские эмигранты после событий 965 г. остались на территории Хорезма. Доказательство этого он видит в сообщении Плано Карпини о хазарах-христианах в столице Хорезма – Орнасе (Ургенче), а также связывает с хазарами происхождение туркменского племени Адаклы-Хызыр [Толстов 1946, 98]. Следовательно, среди оставшихся в Хорезме хазар были христиане.

Сообщение ал-Бируни о праздниках хорезмийских христиан может являться ярким подтверждением того, что в уже начале XI в. в Хорезме проживали христиане, имеющие отношение к византийской церкви. Однако в данном случае не ясно, подразумевал ли ал-Бируни под этими христианами самих хорезмийцев или он имел в виду хазарских переселенцев. Во всяком случае, сообщение Плано Карпини о том, что в хорезмийской столице Орнасе (Ургенче) “Саррацины имели... огромный рынок”, позволяет считать упомянутых христиан из числа “Хазар, Русских, Аланов и других” купцами в этом городе. И это закономерно, если исходить, например, из

того, что хазары переселились сюда из своей столицы Итиля, которая являлась крупным торговым центром. К тому же упоминание хазар в одном списке с русскими и аланами может являться ярким подтверждением принадлежности их к византийской православной церкви, что вполне согласуется с данными других письменных источников.

Таким образом, можем констатировать, что упомянутые Плано Карпини христиане в Орнасе (Гургандже) являлись действительно выходцами из Восточной Европы. А это может быть ярким доказательством того, что в начале XIII в. через столицу Хорезма – г. Гургандж как раз и проходило северное ответвление Великого шелкового пути, которое связывало страны Центральной Азии с нижеволжским Саксином, северокавказской Аланией и Южной Русью.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбаро И.* Путешествие в Тану // **Барбаро и Контарини о России.** Ленинград, 1971.
- Баскаков Н. А.* **Тюркские языки.** Москва, 1960.
- Вернадский Г.* **Киевская Русь.** Москва, 1999.
- Гарнати.* **Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.)** / Публ. О. Г. Большаков, А. Л. Монгайт. Москва, 1971.
- Голб Н., Прицак О.* **Хазарско-еврейские документы X века.** Москва – Иерусалим, 1997.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* **Золотая Орда и ее падение.** Москва – Ленинград, 1950.
- Заходер Б. Н.* **Каспийский свод сведений о Восточной Европе.** Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. Москва, 1962.
- Иерусалимская А. А.* О северокавказском “Шелковом пути” в раннем средневековье // **Советская археология**, 1967, № 2.
- Иерусалимская А. А.* **“Великий шелковый путь” и Северный Кавказ.** Ленинград, 1972.
- Иерусалимская А. А.* **Кавказ на Шелковом пути.** Ленинград, 1992.
- Ипатьевская летопись* // **Полное собрание русских летописей.** Т. II. Санкт-Петербург, 1908.
- Калан Э.* **Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока (вторая половина XIII–XIV вв.).** Автореф. дис. ... канд. ист. н. Казань, 2011.
- Карпини П.* История монгалов // Карпини П. **История монгалов.** Рубрук Г. **Путешествие в восточные страны.** Москва – Ленинград, 1957.
- Козловский А. О.* **Историко-культурный розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст.** Київ, 1992.
- Коновалова И. Г.* **Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы.** Москва, 2006.
- Константин Багрянородный.* **Об управлении империей** / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Кузнецов В. А.* **Алано-осетинские этюды.** Владикавказ, 1993.
- Кулаковский Ю. А.* Епископа Феодора “Аланское послание” // **Записки Одесского общества истории и древностей.** Т. XXI. Одесса, 1898.
- Лаврентьевская летопись* // **Полное собрание русских летописей.** Т. I. Ленинград, 1926–1928.
- Минорский В. Ф.* **История Ширвана и Дербента X–XI вв.** Москва, 1963.
- Патриаршая Десятая или Никонова летопись* // **Полное собрание русских летописей.** Т. X. Москва – Ленинград, 1965.
- Плетнева С. А.* **Саркел и “шелковый путь”.** Воронеж, 1996.
- Радзивилловская летопись* // **Полное собрание русских летописей.** Т. XXXVIII. Ленинград, 1989.
- Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Карпини П. **История монгалов.** Рубрук Г. **Путешествие в восточные страны.** Москва – Ленинград, 1957.
- Тихомиров Н. М.* **Древнерусские города.** Москва, 1956.
- Толочко П.* **Київська Русь.** Київ, 1996.
- Толстов С. П.* Новогодний праздник “Каландас” у хорезмийских христиан начала XI в. // **Советская этнография**, 1946, № 2.
- Толстов С. П.* **Древний Хорезм.** Москва, 1948.